

Александр ОЖИГАНОВ

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ СТИХИ ИЗ КНИГИ «СТРЕКОЗА. 1974»

Публикация, подготовка текста, предисловие Светланы Варкан-Ожигановой

Стрекоза» – первая книга Александра Ожиганова, включившая в себя стихи, написанные в 1960-х и начале 1970-х годов, объёмом около 200 страниц. В 1974 году она была выпущена в ленинградском самиздате. (Один из не менее 10 экземпляров сохранился в архиве Э. Шварцмана¹.)

Структура книги отражает важнейшие события в жизни автора: смерть двоюродной сестры; учеба в школе-интернате в молдавском селе Парканы; гидрологическая экспедиция в Кустанайской области, куда выпускников школы отправили «на стройки коммунизма»; учеба в Кишинёвском и Ленинградском университетах; смерть матери и рождение дочери; служба в Советской Армии. Помимо стихотворений в книгу вошли также четыре поэмы: «Бык», «Барак», «Смерть землемера», «Два введения в Игру стеклянных бус».

Ранние стихи 1960-х годов, с которыми Ожиганов приехал в Ленинград, были благоприятно восприняты литературной средой. Об этом свидетельствуют мемуарные и эпистолярные отклики, в частности, воспоминания Славы Гоziас²

Виктор Соснора во внутренней рецензии для журнала Аврора на подборку из книги Стрекоза," 1974 год, писал: «Это явно поэт, со своей, пусть ещё не окончательно прояснённой системой мировоззрений и стихосложения»³.

В 1976 году Олег Охупкин написал лирический очерк «Александр Ожиганов» для журнала «37», в котором выразил впечатление от книги. Очерк не был опубликован, остался неизвестным самому Ожиганову и впервые увидел свет лишь осенью 2019 года⁴.

Отдельные стихотворения вошли в сборник К. Кузьминского «Живое зеркало: второй этап Ленинградской поэзии», 1974, публиковались в самиздатовской периодике, были включены в Антологию новейшей русской поэзии «У Голубой лагуны».

Особое место в литературной биографии Ожиганова занимает журнал «Волга». Именно здесь в 1992 году состоялась его первая официальная публикация, в 1993 году вышла подборка «Из книги “Стрекоза”».

В Приложении представлены полное содержание книги и ссылки на источники первых публикаций. Ранее опубликованные стихотворения в Содержании выделены курсивом. Это даёт возможность увидеть структуру книги, с которой начался путь Ожиганова в литературу, позволяет также понять, какие стихи были отобраны

¹ <https://spbarchives.ru/infres/-/archive/cgali/R-815/1/79>

Ожиганов А.Ф. «Стрекоза». Сборник стихотворений. Сброшюрован. Маш. с правкой неустановленного лица. – ЦГАЛИ СПб. Фонд Р-815. Опись 1. Дело 79. – Архивы Санкт-Петербурга.

² Слава Гоziас. Два поэта из голоса юности. 21.10.2015

[Главная»» Квадрига Аполлона номер 15 \(18\)»](#)

<http://quadriga.name/2015/10/slava-gozias-dva-poeta-iz-golosa-yunosti/>

Слава Гоziас. Два поэта из голоса юности (продолжение). 29.11.2015

[Главная»» Квадрига Аполлона номер 16 \(19\)](#)

<https://web.archive.org/web/20200809051336/http://quadriga.name/2015/11/slava-gozias-dva-poeta-iz-golosa-yunosti-prodolzhenie>

³ http://sosnora.ru/vnutrennaya_retsenzia_na_a_oziganova.shtml

⁴ <https://russculture.ru/2019/10/27/олег-охапкин-александр-ожиганов-лири>

Олег Охупкин. «Александр Ожиганов (лирический очерк)».

автором в начале 90-х годов для малых книг («Стрекоза», «Твой град, Петрополь», «Карантин»), вошедших в состав посмертного «Шестикнижия» (2021).

Из главы «Буратино»

Села дощатый тротуар
И клёны тонкие в гурьбе...
Я получил сегодня в дар
Воспоминанье о тебе.

О детство в солнце голубом!
Окна узорчатая резь!..
Не воскресает ли в былом
Всё – похороненное здесь?

1963

Как могла ты поселиться
Здесь, в одном из этих гнёзд,
Настороженная птица,
Обитательница звёзд?

Может, радуясь разбою,
Дождь косой к тебе пристал,
Может, коршун над тобою
Крылья хищно распластал,

И, спасаясь от погони
В час, когда клубилась мгла,
Просто тёплые ладони
Облететь ты не смогла?

1963

Буратино

(из школьных восьмистиший)

1

Но из дверей – за угол, к батарее!
И подышать на пыльное стекло...
«Приди в себя! Всегда тебя согреет
Твоя любовь, крыло и ремесло».
Дежурить так, без чувств, на этаже
Пустом и ждать предсказанного чуда:

Пусть поцелует смертного Иуда,
Чтоб, умерев, он богом стал уже.

2

Так я живу за каменной стеной
Той школы, что была пристройкой храма,
И кто поймёт, какой я здесь ценой
Плачу за хлеб и воду из-под крана,
Тот никогда не примет на себя
Постылый грех бросающего камень:
Мы жили здесь, друг друга не любя
И дружно в волейбол играя в храме.

3

Ещё вчера на лестнице широкой
Стоял у пыльной пальмы истукан.
Но за эпоху поднятый стакан
Разбит во время первого урока.
Верёвкой обмотав, стащили вниз,
В тот непотребный угол у сарая,
Потев и кряхтя, пугая крыс,
В пыли и тьме невесть кого ругая...

4

Снег за дождем, и снова дождь за снегом.
Но я уже нимало не хочу
Чертить и петь и тешиться побегом
За сферы по абстрактному лучу.
Так я спелёнут временем текучим,
Такое место мне отведено,
Что должен мне казаться самым лучшим
Мой дом и дождь, обрызгавший окно.

5

И утром я уснул и осквернился...
Увы, не ты мне снилась! Не любовь
Зажгла мою бунтующую кровь –
Я над прозрачной бабочкой склонился.
Она, порхая, приняла меня
На выжженном холме, на комьях рыжей
Обугленной земли... С тех пор я вижу
Коричневую грудь в начале дня.

6

Ты, вестница ли смерти, Эсмеральда,
Нагая лгунья, гибелью грозишь?
Ни горлом соловья, ни кровью скальда,
Ни ливнем слёз меня не удивишь.
Я видел, как во тьме светились рыбы,
Я был при разрушении миров,
Я сам с улыбкой сталкиваю глыбы
Подвластных числам ледяных голов.

7

За каменной стеной – стена людей.
Там бархатные курточки болгарок
Шутя кроит увертливый еврей
И принимает, кланяясь, подарок.
Там шерсть и пух в узорных сундуках,
Гнилые корки, псы и опресноки.
Поэт-любовник, рыжий и высокий,
Там проститутку носит на руках.

8

Там худенький еврей стоит на страже.
И, ковыряя палочкой песок,
Закидывает голову и вяжет
Стихи, как вяжет шерстяной носок
Старуха под разошедшимся навесом.
Там каменная пыль и белый дым.
Пустая раковина – Старый Крым –
Разрублена бряцающим железом...

9

Спасибо, хор, за шум разноголосья,
За свет и свист, за шутки наверху!
Мы все – твои озимые колосья,
Зелёные заметки на снегу.
Художнику – игра на барабане.
Для публики – Бетховен и Мюссе.
А здесь, на досках крашенных, мы все...
Мы все – твои цыганки и цыгане!

10

Час отречения, тот высокий час,
Который я предчувствовал и видел
Так часто по ночам, настал. Сейчас
Мне повелят: «Оставь, забудь и выйди!»
Но, боже, как я крылья подниму?
Как я на костылях сойду со сцены?
Как подниму я каменные стены?
Взвалить другим на плечи их? Кому?!

11

Прости меня. Я помню длинный дом,
Воротничок и двойку по черчению,
Когда моим пристрастьем к отречению
Был озабочен школьный скопидом,
Когда врезались в потную ладонь
Осколки толстых стекол на заборе,
Прости меня за вольности и вонь
Чернил и вычурности аллегорий.

12

Твоя звезда! Как денежка в руке,
Она и мне возвышенно светила.
Но путь далёк, а старая Тортила
Не говорит на русском языке.

1962, 1968

Змея лежала на дороге
Земля дрожала от жары,
И чуть потюкивали в логе
Метеослужбы топоры.

Полураздетый бородатый
(Чтобы к зиме не ожирел),
Кряхтя, орудовал лопатой
На солнцепёке инженер.

Курил. И спорил о Висконти.
Гремел тарелкой о казан...
А на дрожащем горизонте
Дремал на лошади казах.

День был как в детстве: длинным-длинным!
Пустыня верила слезам.
И я таскался по змеиным
Всё ускользящим следам...

Свистел. Змеиный шорох слушал...
Грустя о детях и жене,
Девчонку из метеослужбы
Лениво тискал инженер.

Тянул кумыс, жевал конфеты.
И в ржавой ящик на столбе
Бросал измятые конверты
С простым рассказом о себе...

И бормотал монах о боге,
И ничего не понимал.
Змея лежала на дороге.
Её никто не поднимал.

1965

Степь

(из казахстанских восьмистиший)

Лилечке

1

Прощай, уродливая родина,
И ты, лесостепное детство!
Здесь всё испытано и пройдено.
Лишь степь – единственное средство
Для вольных вдохов, для ритмичного
Дыхания: «Полюшко широкое...»
Однообразного и зычного
Степного пенья просит лёгкое.

2

Тобой, Тобол, никто не хвастает.
Течёшь – стоишь себе с собою.
Никто по берегу не шастает
И не приходит к водопою.
На берегах твоих не спросится
С меня никем: всё поле вольное!..
И сердце на руки не просится:
Впервые мирное, довольное.

3

Ну что, душа моя, что, Лилечка?
Чем не похож на мужика я?
Есть у меня в авоське килечка:
Оближешь пальчики – такая!
Есть у меня в пальто бутылочка:
Рубль сорок девять – квинтэссенция!..
И надувает губки милочка:
«Чего и ждать? – интеллигенция!»

4

Какая милая идиллия:
Здесь по бутылочке на брата!
Налейте мне!.. Царица Лилия
Выходит замуж за солдата.
Дрожит в руке пустая чашечка.
Налейте мне ещё, братишечки!..
Он скажет: «Ах, ты, моя пташечка!
Сними – будь умницей – штанишечки...»

5

Степной закат полуокружим
Ворота храма охраняет.
Свобода, будь моим оружием!
Воздушный парусник роняет
Гремящий якорь бело-розовой.
И, поднимаясь, как по лестнице
В закрытый храм – немой и бронзовый –
Я колочу стеклянным месяцем.

6

Какое ночью одиночество!

Хоть собачонка прибежала б...
Но без отчества и отчества
Нельзя унизиться до жалоб.
Когда тоска звенигородская
Глаза родителя завесила,
Жизнь, как шутиха идиотская,
Вращалась бешено и весело...

7

И в полутемном коридоре
Меня избили, как хотели
А я ведь с ними не был в ссоре!
Избили... Синяки на теле.
И больно – за душу хватает!
Хриплю, как бешеная сука...
А, ладно! – доктор залатает.
Хоть полечусь. Такая скука!..

8

Такая скука – не запрячешься
Нигде! Разыщет и повиснет
На шее: «Прячешься – дурачишься,
У самого же – чуть не брызнет...
Чем я плоха? У, мой хорошенький!...»
Я спелся с этой вурдалачкою.
Лили, не стойте на дороженьке!
Не то ещё – pardon – запачкаю...

9

Придумать иго для татарина!..
Холодной ночью азиатской –
На теле клейкая испарина
От женской логики дурацкой.
И в ус не дул! Смеялся: это-то
Ещё чертям не удавалось!..
Ей удалось. Обычным методом.
Она спокойно улыбалась.

10

Не трубным гласом, не визгливою
Истерикой, от злости пьяной:
Улыбкой лёгкой и счастливою,
Высоким голосом поляны,
Когда березовая рощица
Вокруг неё – как заколдована! –
Стоит, качаясь, полуночица,
Качается стоит взволнованно.

11

Какая, Лилечка, нелепица!
Какая всё-таки оплошность:
Когда душа едва лишь теплится,

Ей ни к чему совсем дотошность.
На что смотреть? И что разглядывать?
К чему прислушиваться?.. Хочется
Хотя бы раз тебя обрадовать!
На этом, впрочем, всё закончится.

12

Тобой, Тобол, никто не хвалится.
Течёшь – стоишь себе с собою,
Сухое дерево ли свалится,
Дыханье ль оборвется болью.
Где целомудренная школьница
Снимала платье интернатское –
Глядит растерянная вольница
В пустое поле азиатское.

1963. 1968

Палатки спишут на портянки.
Зальют костры. Зола остынет.
И перекаются жестянки
Через листок о блудном сыне.
И мы отправимся в последний
Торжественный маршрут... Однако
Я, как забытая собака,
Уже кружу... кружу по следу.
Зола. Ворона на вороне
Трава. Седеющее утро...

Собака замкнута в районе
Пересечения маршрутов.

1963. 1968

Из главы «Сентябрь»

Я вырываюсь из кольца
Родного города, родного
И нелюбимого лица.
Прощай, плешивый Иегова!

1965

Вот этот город. Домики и Днестр.
И сад, который высох и обрюзг.
И тишина, вошедшая в реестр
Зелёных служб, подвластных сентябрю.

Сгнивающие листья, силос, жмых
И сморщенные сливы – закрома!
Соседский пёс от судорог земных
Под утро пожелтел и захромал.

И, положив на лапы вялый нос,
Лёг, присмирел ... А рядом, за углом,
Всё также пахло свадебным столом
И – сытно! – поцелуями взасос.

1965

Пригород

Обрывки газет, нечистоты, глина.
Тяжёлый железнодорожный мост –
Очки близорукого исполина,
Надетые на неопрятный нос.

Тряпье на верёвке, сарай. После:
Облезлая гнутая дрезга –
Застывшие ночью в бесстыдный позу
Сырые и дряблые телеса.

Обрыв. Желтоватой полоской глина.
И бледная радуга до небес –
Струя задремавшего исполина,
С утра распустившего липкий Днестр.

1965

Преодолеваю боль и злость,
Усталость и боязнь,
Я прихожу – незванный гость! –
К любимой, как на казнь.

Как дождь в начале января,
Как лошадь в поводу,
Как корабли на якоря, –
Так я к тебе иду!

1963

Смотри: любимых рук овал.
Подумай: стоит ли стараться –
Еврея и старообрядца
С утра хватать за рукава?

Не лучше ли до ноября
Уснуть и выдумать другого?
Подумай. Может быть, тебя
Простит плешивый Иегова!

В глубоком сне не ревновать –
Бродить по лужам, обведенным
Цветной листвой, быть обойденным!
И, просыпаясь, письма рвать...

Услышав голос позади,
Забыть осеннюю свободу –
Застыть! И августу в угодую
Спиною крикнуть: «Позови!»

И погрузиться в зал, как в омут...
И две руки над головой
Сомкнуть. И выжить!.. Но живому
Не верить – зарости травой!

1964, 1965

Освободившийся от груза
Любви (точнее: от себя!),
Я стал постыдною обузой
Двусмысленного сентября.

Ворвалась морем, удостоясь
Быть узнанной, в пустой отсек
Одна- единственная (то есть
Неотделимая от всех!)

И устоялась на потребу
Утопленнику: затянуть
Шнурок на совести... Так небу
В лицо не смеют заглянуть.

Так бродят, мучась и тупея,
Попарно, рядом, до восьми...
Над головой – Кассиопея.
Всё это небо... «Чёрт возьми!..»

И, обмирая, слепо тронут
Рукой: шершавость сентября.
Так погружаются в себя.
И задыхаются. И тонут.

1964, 1965

И вдруг прозрел и понял: не милы
Давно... Уйду и думать перестану!
Здесь призрачно, светло и первозданно
Сверкают паутинные миры.

Тончайшие серебряные нити
Траву, деревья, небо серебра,
Навязчивая щедрость сентября –
В припадке лихорадочных наитий.

Под крыльями осенней пустоты –
Неистовство деревьев подожженных:
Чурающихся, гордых, прокаженных,
Замученных в застенках красоты.

Отмучились! – выламывай, руби!
В поленницу при доме, для курьеза!..
Постылые параграфы любви,
Окрашенные в цвет туберкулёза.

1964

Зверинец

А. Б.

Мир опустел. Доверившись листу,
Я опускаю письма в пустоту

И открываю новые листы.
Молчит земля, и небеса пусты.

Так, убеждаясь в тщетности осад,
Я посещаю старый Зоосад,

Где поражаюсь каждому хвосту:
Угрюмый Лев и Серенький Хвостун,

Коварный Тигр и Хитрая Лиса –
Всё те же клетки, морды, голоса!

Звериный замыкающийся круг,
Где даже Волк для человека – друг.

Замшелое спокойствие оград.
И Зоосад – как будто детский сад,

Где каждый посетитель – мальчуган,
С улыбкой одобряющий обман:

Искусственные реки и леса,
В которых постоянны адреса.

Густая шерсть свалилась на боках.
И звери в клетках – звери в дураках.

1965

Я уезжаю, чтобы возвратиться
И, задыхаясь в яростной тоске,
Я голосист, как комнатная птица,
И одержим, как рыба на песке.

Меня встречают только по ошибке,
Не преминув проститься и простить,
Махнуть рукой, запрятаться в улыбке
И простоту до просьбы упростить.

Я уезжаю, чтобы возвратиться,
И начинаю новую главу.
Мне даже в полночь милая не снится
И даже в полдень снится наяву!

Вернитесь в дом. Задумайтесь о быте.
Целуя жен... Всех вас – издалека –
Молю: меж бед, обедов и событий
Хоть иногда валяйте дурака!

Хоть иногда! не бойтесь ошибиться, –
Стихи не могут лгать. Ну?.. Кто-нибудь!..
Я уезжаю, чтобы возвратиться.
И возвращаюсь, чтоб собраться в путь.

1965

Легенда

Безлистно, безлюдно, голо.

Сентябрь отсырел, потух.
Неправдоподобный голос,
Захватывающий дух,

Тянущийся горько, трудно,
Надорван, простужен, плох.
Но в городе знали: чудо
Свершилось – явился бог!

Тянулся озимый колос –
Зеленое копьёцо.
И не было бога. Голос
Возник. А за ним: лицо,

Мозг, руки, хребет – все тело
Обычное, во плоти,
Что так же как все хотело
Поползать, потом пойти,

Потом побежать... под камни,
Как будто под облака,
Забиться!.. Маши платками,
О город, кричи «пока!» ...

Он здесь. Он из кухни вышел.
Он ниже вороньих гнезд.
Но в городе знали: выше
Деревьев, домов и звёзд,

Как бог, как озимый колос
Под острым косым дождем, –
Неправдоподобный голос,
Тянущийся в каждый дом!

Тряслись кирпичи под крышей.
И город был начеку...
Он тихо из кухни вышел.
Платком повязал щеку.

1964, 1965

Ночь. Темнота. Уснула мать.
Тоска – как на аэродроме.
Я начинаю понимать,
Что происходит в этом доме.

Площадка. Лестница. Пролёт.
Паук с раскрытым парашютом.
И завершающийся утром

Катастрофический полет.

Никто не вспомнит, не поймёт.
Начнут уборку для чего-то...
Многоэтажный самолет
Прошит огнем из пулемета.

Жить! улыбаться, обнимать!..
Благотворить в квартирном мифе!..
Я начинаю понимать,
Что происходит в этом мире.

Сентябрь. Распавшейся уют.
Во тьме – иллюзия полета...
Дымится тонкий парашют
На дне горящего пролёта.

1965

Останусь в дураках. Уединюсь.
На некрасивой женщине женюсь.
Созвездиями угрей украшу лоб.
Обставлю дом. Пополню гардероб.
И буду жить. Добреть. Благотворить.
Приобрету добротные грешки.
И буду всем знакомым говорить:
«Когда-то я пописывал стишки!..»

1966

Кто-то со мною был.
Был, говорил, любил.
Может быть, я забыл?
Утром будильник бил.

Кто-то вставал, ходил,
Кофе варил для двух.
И не ходил – парил,
Как бестелесный дух.

Я не забыл! Пусть так.
Это такой пустяк.
Это – на всех постах
Вязкой тоски, простак.

Это согласие тел

И бесноватость рук –
Почасовой предел
Необходимых мук.

1965

Куплеты Пьеро

Ура! Простор для кукольной игры!
Раскрашены поблекшие пороки,
И сто чертей на кончике иглы
По-прежнему чертовски одиноки.

Пусть чудеса – за каменной стеной!
Но мне сказал приятель Буратино:
«Всё происходит в плоскости одной –
По действию – из старого сатина!»

Художник нарисует облака.
И шагом марш под тряпкой небосвода.
Кривляться, петь и дёргаться, пока
Не онемеют пальцы кукловода!

Пусть чудеса – за каменной стеной!
Но мне сказал приятель Буратино:
«Всё происходит в плоскости одной –
По действию – из старого сатина!»

Широкая холодная река
В барашках от невидимого ветра.
Любимая, дорога далека
На полотне длиной в четыре метра!

Пусть чудеса – за каменной стеной!
Но мне сказал приятель Буратино:
«Всё происходит в плоскости одной –
По действию – из старого сатина!»

Меня сечет сентябрьская гроза,
Ломают череп молнии корона.
Мне кажется, что нарисован зал
И вырезаны кресла из картона!

Пусть чудеса – за каменной стеной.
Но мне сказал приятель Буратино:
«Всё происходит в плоскости одной –
По действию – из старого сатина!»

Как ни пугает зал злодейский бас,
Как в темноте ни плачет мальчик робкий, –
Лысеющий директор Карабас

Всех убирает в серые коробки!

Пусть чудеса – за каменной стеной!
Но мне сказал приятель Буратино:
«Всё происходит в плоскости одной –
По действию Пьеро верна Мальвина!»

Всё происходит в плоскости одной
Из тряпки, из бревна, из пластилина!

1966

Проплыли за холмы последние телеги.
Столпившись у костра среди опустевших лоз,
Вполголоса поют филологи-коллеги
И, тая в темноте, целуются взасос.
О шепот, шепоток, горячий шепоточек
За треском хворостин и пеньем у костра!
Не шей, моя любовь, на память мне платочек:
На памяти моей – полночный блеск Днестра.
Не трону твоих рук и губ твоих порочных,
Замкну усталый слух и глаз не разомкну:
Всё в памяти моей – блеск глаз твоих полночных
И трепет на губах, отдавшихся всему!

1966

Собаки

О мой каменный клоун, гарцующий цирк
с барабанами на ушах!
Ты не знаешь, как это рискованно: чирк-
нешь спичкой – займется душа!

Осторожней! Не здесь, не сегодня... потом!
Где-нибудь на задворках ... там!..
Но прожектора розовое пятно
расползается по рядам.

Дрессировщица – дама бубновая! – в пол-
оборота и вскользь: «Дурак!..
(На арене собаки играют в футбол!)
Выпускай!.. Ах, ещё собак!..»

И летают воздушные шарики: хлоп! –
и клочки – на седых усах.
А оркестр наверху – на иголках синкоп!
А собаки – в цветных трусах!

И дрожат языки у собак на зубах,
и по-дра-ги-ва-ют усы...
И какая-то шавка с усталых собак
ловко стягивает трусы!

Ах, какая потеха: и топот, и свист,
и прожектор, и пыль, и смрад!..
И бубновая дама бросает свой хлыст,
не оглядываясь, – назад!

1966

Стихи о Новом годе

Галактика – округлая ладонь –
Протянута ко мне в прощальном жесте.
Простой эффект: замедленный огонь
Ползёт по спектру цветом ржавый жести.

Померкли все цвета. Здесь провожаешь ты.
Подчинены закону отражения
Лишь травный цвет вокзальной суеты
И красный цвет немого удаленья.

Столкнулись стрелки. Полночь. «С Новым годом!»
И нервничает очередь у касс.
Как-будто чей-то шуточный указ
Заполнил залы будничным народом.

Но подожди! – ведь это только маски:
Забавный новогодний карнавал.
И под защитой скользких покрывал
Сейчас внесут запрятанные краски.

Но пассажиры, сонно и лениво
Отстаивая очередь в буфет,
Убийственно безвкусно cedят пиво
И шелестят кулечками конфет.

О праздник мой! Снегурочка бедна.
Нет денег на такси. Обидно... В луже...
А ты твердишь: «Ну что ж, пусть будет хуже!»
Пусть будет ложь. Ведь я одна ...» Одна.

И всё сначала! Заново! Актёру
Задание: вникнуть в смысл истертых слов.
И он стоит у праздничных столов,
Не уступая славе и позору.

Пусть отвергает или превозносит

Далёкий зал, но вытвержен урок:
«Я беззащитен, слаб и одинок!» –
Актёр правдоподобно произносит.

А дождь идёт. Косноязычный бред
Тебя втолкнёт в замызганный троллейбус,
И нам не разгадать проклятый ребус
Ущербности декабрьских побед.

Слепой состав. Толкучка, брань и бронь ...
И полка на одиннадцатом месте.
Галактика – округлая ладонь –
Протянута ко мне в прощальном жесте.

1965

Из главы «Морские развлечения»

Гулливер

В семнадцать лет я был высок как бог.
Внизу пестрели тополи и вышки,
Дома, круглоголовые детишки,
Речонки и озёра с ноготок.

Я разглядеть подробностей не мог
И не хотел: «Ну, что там? Ну, детишки...»,
И, уложив нехитрые вещички
Перешагнул качнувшийся порог.

Потом я возвратился. Чёрт возьми! –
Я был затерт высокими людьми.

В глухих степях я стал намного тише
И сдержанней. Я выдержал, пока
Двухсотсантиметровые детишки
Кололи мне булавами бока.

1964

Вознаграждение

Я прошагал двенадцать километров.
И, налетев на запертую дверь,
Я возвратил двенадцать километров,
Задетый смехотворностью потерь.

Но не посмел смеяться. Только ветру
Сказал предусмотрительно: «Проверь!
Я возвратил двенадцать километров

Чужого зла. И должен быть теперь

Вознагражден.» И возмутился ветер!..
Но в тучах пыли солнце я приметил
И повторил ему: «Чужое зло

Я возвратил. Но был обманут ветром!..
И солнце на двенадцать километров
Вокруг меня растительность сожгло.

1964

Морские развлечения

Синица! – море подожжет –
Лишь покраснеют уши.
«А тот, другой, пусть подождёт,
Пока мы кончим ужин...»

Солёный, мокрый – подойдёт,
Протянет руки ... Хуже
Не выдумать. «Пусть подождет!..
И вот в июле выюжит.

Заносит пеплом города.
Сгорает хлеб. Гниёт вода.
И вместо моря – лужи.

И рыба в сети не идёт.
Но... тот, другой, пусть подождёт,
Пока мы кончим ужин!*

1965

*Фраза «тот, другой, пусть подождёт, / Пока мы кончим ужин!» – из стихотворения Александра Вертинского «Прощальный ужин» (Прим. публикатора).

Галя

Ах, как легко качаются качели,
Когда в деревьях кружит мягкий снег!
Желтее слёзы, яблоко кислей,
И в синей будке дует во все щели.

Ах, как легко качаются качели,
Поскрипывая кольцами, на снег
Отбрасывая тени, как во сне!
И тлеет шарф на вытянутой шее.

И горло жжёт!.. И, может быть, у всех

Так липнет хлеб. Но всё-таки успех!
Приникнуть и краснеть, глаза в щели...

А в парке – мягким белым комом снег.
И лёгкий скрип. И глупый – глупый смех...
Ах, как легко качаются качели!

1966

Молитва

И ветер кос на выступе косы,
И дождь косой костит меня жестоко!..
Отягощенный сыростью росы
Зелёный плод на дереве высоком –

Я знойным полднем лягу на весы
Прохладной каплей солнечного сока.
О, пощади, последний день весны:
Не дай сгореть, не дай упасть до срока!

На потрясенной бурями земле –
В огне или в воде, или во мгле –
Дай избежать глухого загнивания,

Перенести участие и страх
И, забывая горечь созревания,
Растаять на обугленных губах!

1965

Колыбельная

Зелёный свет над переходом.
Срезая площадь под углом,
Квартал проплыл электроходом,
Сверкнув троллейбусном стеклом.

И сотворенная заходом,
Ещё не ставшая стихом –
Ночь с перержавленным заводом
Уже в предместьи глухом

Прошла, испачкавшись в золе,
И воцарилась на земле
Убийств, предательств и агоний...

Минуя парковую рябь,
Ночь, как игрушечный корабль,
Уткнулась в детские ладони.

1965

Из главы «Чёртова дюжина»

1

Перед тем как выбрать молоток,
Чтобы вбить в перегородку гвоздь,
Он с улыбкой делает глоток
И рисует на фанере гроздь.

Говорит: «Теперь – наверняка!»
И свистит, разглядывая щель.
Он всегда боялся сквозняка,
А сегодня на дворе – апрель!

Коли ты не понял ни черта,
Значит ты не открываешь карт,
Как другой не раскрывает рта,
Замечая, что проходит март.

1962

2

С.

В этот мартовский денёк
Твоего, мой друг, рождения
В белом с головы до ног
Ходят в доме привиденья.

Но исчадья сатаны
Столь отрадно нереальны,
Что ни капли не страшны,
Только чуточку печальны.

Вот, рассевшись не спеша,
Начинают шуры-муры...
То февраль не додышал
На стекло свои фигуры.

То – бессмертный сувенир
Твоего ко дню рождения:
Озорной морозный мир,
Не нашедший воплощенья.

1969

3

Удивляешься ты: «Зачем
Поднимать эту тьму проблем?
Не показывай всем язык.

Подобает ли это мужу?
Отвлекись от себя на миг.
Опиши петушиный крик,
Отразившийся куст и лужу».

Белый лист да пребудет пуст!
Мы свечу на столе задует.
И забудем тщету искусств.
Отразившийся в луже куст
Совершенно неопишем.

6
Промчавшись радостной торпедой,
Нас переехала машина.
И мы рассеяно уснули
На голубом шоссе.

Рассвет.

И если соберётся
Какая-то толпа,
Твоя душа забьётся
Под черепной колпак.

Моя же станет озираться,
Прося глаза на тротуаре
Дать ощущение объема
Через бинокляр.

Она

Не сможет разобраться
Без бегающих глаз:
Куда бы ей убраться
На этот раз?

9
Пиликая на скрипочке уроки,
Кокетливым и всё-таки глубоким,
Качающимся взглядом за окно
Поглядывает изредка украдкой,
Где мальчик растопыренной рогаткой
На солнышке стоит давным-давно.

Я говорю теперь скороговоркой:
Всё пронесло карболкой и касторкой
Ко всем чертям, и некого винить.
Но скрипочка попискивает тихо,
И память, как усталая портниха,
Упрямо хочет нанизать на нить

Ещё одну – последнюю – иголку!

Не унимаясь, битый час без толку
Осатанело тычет в пустоту...
Но в беспросветных дебрях аллегорий
Не видно ничего на её горе.
Она же, уподобившись кроту,

Малейшей луч за километр обходит.
Ее косноязычье не проходит.
По-прежнему убог ее словарь.
Но скрипочка пиликает коряво.
И пусть так петь сумела бы корова –
Я этих штудий бог и государь!

10

Твоя поэзия абстрактна.
Из разговора

Уселся, ноги свесил
С окошка на карниз.
Прожарен весь и весел –
Поглядываю вниз.

Внизу труба и травка,
И на траве дрова,
И утка, и канавка,
И чья-то голова.

Коробило, качало,
Пронизывало, жгло.
Лиха беда – начало!
Потом – куда ни шло.

Потом: пути, дороги,
Снега, болота, мхи.
И разные – в итоге –
Абстрактные стихи.

Сижу себе, качаюсь.
От них не отрекаюсь.
Ни ты, ни многотомник,
Ни страшный эрудит,

Ни радиоприёмник
Меня не убедит.

Видны у дурачины
Глядящего в трубу,
Абстрактные морщины
На загорелом лбу.

12

Как отказаться от словоблудства? –
Словарь, словно роза, язык щекочет:
Ти-и-хо качаясь, чего-то хочет
От одиночества многолюдства,
От одиночества одиночки,
От одиночества хорового.
И ночью хочет луча дневного,
А днём? А днём – почернее ночи!

Ах, окунуться бы в черный омут
Радиоречи, газетных строчек,
И в шорох чёрных ночных сорочек
Шуршащих пластинок ... И по-другому,
Такому тонкому голосочку
Затосковать в нищете немотства!
Словно и не замечая сходства
Спровадить бы в лес, как чужую дочку!

13

Вот это – словарь иностранных слов,
А это – другой словарь.
Листай до рассвета. Но весь улов
До вечера разбазарь.

И вечером вымучь какой-то крик
Нечленораздельный, как
Будто болтают немой старик,
Утопленник и дурак.

Как-будто ликует морской прибой
И мается материк!..
И в мерзлую глину возмёшь с собой
Нечленораздельный крик.

Останься. Но не говори со мной.
Беседы пора забыть.
О речи бесхитростной и прямой
И речи не может быть.

Из главы «Зоя»

Четыре письма на юг

1

Мы неуверенно простились,
Не понимая ничего.
И ветер дул, и флаги бились,
И было страшно от того,
Что вдоль всего аэродрома
Стояли люди как столбы,
А ты была едва знакома

И только взята из толпы
Последним взглядом и молчаньем,
Молением губ из-за стекла,
Дрожаньем, блеском и качаньем
Меня поднявшего крыла.

2

Пустая улица. Широкий
И приглушенный гул машин.
В ушах – холодный и далёкий
Треск разрушающихся льдин...
Опять, мечась из суток в сутки,
Тоску ночную расколов
В дисгармоничном промежутке
Смещения временных основ.
На Невском бодрые куранты
Пробили, словно про себя
Пересчитали варианты
Земного счастья без тебя.

3

Любовь грозна и непонятна
В своём провидчестве слепом.
Золы горячечные пятна
С утра зализаны дождём.
В сыром лесу рассеян серый
Холодный свет. И чёрный куст,
И тусклый блеск воды, и целый
Непрочный мир – опасно пуст.
Как привидения, предметы
Стенают голосом глухим –
Не скреплены и не согреты
Прикосновением твоим.

4

Всё преисполнено высокой
И постоянной доброты:
Пруды со светлой осокой
И полусгнившие плоты,
И грусть визгливого напева,
И деревянный чёрный клуб
На косогоре, и – налево –
Дымки из невысоких труб,
И деревянные подобы
Невозмутимых райских птиц.
И запоздалый блеск зарниц,
И эти финские надгробья.

1967, 1968

Я проснулся. Сидит на карнизе ворона.
Третий час. Я искушен клопами и слаб.
Гай Светоний Транквилл о позоре Нерона
Повествует. Ему бы, советнику ab
epistulis рыться в архивах лениво
И писать о блудницах. Но он не женат.
Я спускаюсь в столовую, скверное пиво
пью, поморщившись, и ковыряю салат.

Кто обрадует слабое сердце, Светоний?
Нужен отдых глазам и покой голове.
Черепки на пирах! И вот также – с ладони –
Через тысячу лет будет пить человек.
О холодный родник! Невозможно быть хитрым
Адвокатом и храбрым солдатом... Плебей
И патриций мечтают описывать игры
Древнегреческих и петербургских детей.

Приводить на площадку песочную сына:
«Жил один император и звался Нерон...»
Чем прельстила тебя сумасбродка Сабина?
Избегай, избегай императорских жён.
честь и почесть, историк, несоизмеримы.
Вижу между покрывшихся пылью наград
Небольшую усадьбу у самого Рима,
Семь кустов винограда и маленький сад.

1968

Ребёнок посмотрел внимательно и ясно,
Как будто бы хотел запомнить навсегда
Высокое крыльцо и дверь. А там, за дверью, –
Как чёрный пищевод, утробный коридор,
В котором я варюсь и прею три недели
Подряд, до тошноты скользя вперёд-назад
Среди прокисших каш, кастрюль и тараканов...
Разросся и разбух убогий мой словарь,
И ухо расцвело кудряво красным цветом!
Но я... я промолчу, мой милый... Уходи!
Я буду ждать тебя. Когда же ты вернешься –
Не будет столь же строг и чист свет глаз твоих.

1968

Из главы «Утопия»

Утопия I

1

Я приоткрыл глаза и создал стол,
Клеенку на столе и край стакана.
И горло вдруг перехватило: «Анна!..»
Но скрипнула кровать, и страх прошёл.
Осталась темнота. Здесь нет обмана.

И пусть стихи, как жесткая мембрана,
С трудом доносят суть. Об остальном,
Должно быть, позаботится фантом
Склонённого лица, квадрат экрана
За форточкою в воздухе больном.

Там, как под уменьшительным стеклом
За звёздами стоящий небожитель: –
Орангутанг, накинувший на китель
Туманную накидку – об одном
И том же говорит (хорош учитель!).

Он говорит: «Прошу, берите, bitte,
Всё то, что под рукой: взгляд ... голосок ...
Полакомее выбрать бы кусок!
Что говорить, все способы избиты:
Раздавливая плод, имеем сок.

Я понимаю, что высокий слог
Заводит вас в какую-то трясину...
Не прибегайте, милый, к керосину:
Меня тревожат искры между строк.
На жертвенниках не палят резину!»

2

Реальный мир неудержимо тает.
«Протри глаза! Ну что?» – «Уже светает...»
– «А на часах – двенадцать! До утра
Ещё не так издёргашься, братец:
Ночная гостья сбросит свой халатец,
Завертится юлой и – бац! – растает
Ко всем чертям. Останется дыра...»

– «О чем ты говоришь? Ее здесь нету!»
– «Конечно, нет. Поэтому поэту –
Каким тебя считаю не шутя! –
Необходима некая замена:
Пустышка, чушь! – та самая Елена,
За коей все таскаются по свету.
Эрзац. Моё любимое дитя».

– «Куда уж всем...» – «Ну вот, опять обиды!
Как блохи, расплодись индивиды.

Не хватит рук на каждого... Была б
Охота вам допытываться, все ли
Хотели бы иметь в своей постели
Не облако, а яблоко Киприды:
Обыкновенных, как Елена, баб!...»

Густые облака низки, как будто
Хотят создать подобие уюта
И сохранить хоть капельку тепла.
Реальный мир ворочается смутно.
И я живу. Я жив ежеминутно.
У самого себя ищу приюта
И на себя глазею со стекла.

1970

Утопия III

1
Девятое число. Рассвет.
Ты календарь листаешь, как Завет,
И ничего не делаешь с утра.
В рубахе расползается дыра.
На память отречение Петра
Приходит. Не готов держать ответ!

Количество твоих словес
Смущает ли тебя, как Фауста Бес,
Сегодняшняя немота
Пугает ли, как некая черта
Под описью, в которой ни черта
Не разберёт нотариус небес, –

Ты будешь виноват вдвойне.
Молчание подобно болтовне.
И в борозде застрявшая игла
Разламывает пласт, где залегла
Отчаянья бессмысленная мгла,
И тихо не внутри тебя, а – вне!

Листая толстый календарь,
Ты попадёшь во время, как в янтарь,
И наконец наступит тишина.
И ты забудешь, где твоя спина ...
Но мысль прозрачной бабочкой со дна
Сознания вспорхнет – и ты дикарь,

Ребёнок, у которых крик
Так заставлял вибрировать язык,
Чтобы – не петь, куда там! – только б жить:
Тебя молчанье может задушить,

Как крылья в пальцах, смять и раскрошить.
Но ты уже и к этому привык.

Привычка свыше нам дана.
Незаменима лишь она одна,
Когда подступит к горлу тошнота
И видишь ты не далее крота,
То Первотемнота
Тогда как божий день тебе видна.

Праматери большой живот
Ты видишь по привычке, идиот,
На ощупь, не охватывая смысла
Того, что ею созданные числа
Доступны и тебе, как коромысла
Аптекарских весов и запись нот.

...Всё это, милый, так смешно,
Что убиваться попросту грешно:
Комочек мнит себя огромным,
Школяр к трудам привержен многотомным,
И мир себе не кажется бездомным;
Существовать в пространстве решено.

Никто не спрашивал тебя.
Но ты дождись начала сентября,
За парту сядь, открой словарь Вселенной
И, уши оснастив антенной,
Не спрашивай, кто прячется за сценой:
Там нет твоих знакомых и ребят.

И нет там ничего
Способного напомнить божество
В периоды прилива и отлива,
Когда Дамоклов меч – сухая слива –
Держался на соплях и так паршиво –
Гнилою глиной! – пахло от него.

Девятое число. Закат.
Наверняка ты сам уже не рад
Косноязычной тусклой болтовне,
Которая как бред клубиться вне
Сознания... Когда ты весь в говне,
Тогда тебе и чёрт – увы! – не брат.

1971

2
Весёлость ли твоя тому виной?
Два года я, как – будто за спиною
Своей, себя не вижу, наступая
На пятки самому себе; беда ли

Меня лица лишила, как медали? –
Два года я, как – будто на педали,
На пятки нажимаю. Но слепая

Старуха надо мной скрывает знаки.
Созвездия протухли, как собаки
В канаве: не горят – сочатся лимфой!
Гордась своей солдатскою закваской,
Мужчины и в постель ложатся с маской.
Но я не избалован женской лаской
И с вечера трясусь над женской рифмой.

...Красавица Кассандра на экране
Напомнит ли тебе о старый ране,
Полученной во сне киногороем
Бегущим распадающейся тенью
Навстречу неозвученному пенью
Сирен, по своему обыкновенью
Летающих рассыпающимся роем?

Не надо отвечать! Я не поверю.
Ты ухом не заполнила потерю
Звучания, зрачком – потерю света.
Дымясь и раскаляясь, как инкубы,
В двухъярусном раю играют трубы.
И матери моей сухие губы
Утолены и не хотят ответа.

Отсутствующей странная реальность
Подскажет ли тебе феноменальность
Теней, передвигающихся строем?
Не надо отвечать. Того не стою.
Два года я, как – будто за спиною
Своей, топчусь и тычусь заводною
Игрушкой и твоим, хозяйка, боем.

Не в тягость мне твоя улыбка, но и
Не радует меня!.. А остальное
Не стоит и гроша, когда кругами
Плывут передо мной родные крылья.
Последние круги, шаги, усилья –
И самого себя сдаю в утиль я.
На этот раз взаправду. С потрохами.

Впечатавшись лицом в сырую глину,
Я приостановлю кинокартину
И выкраду у дикой кавалькады
Посмертные награды и медали,
Которыми меня не награждали!
Теперь же только тень на пьедестале.
В её тени – теней моих парады.

1971

Из цикла «Октябрь. Ноябрь»

Меланхолия

Сатурн и осень
виноваты в том,
что я сижу вот так – непринуждённо
и кроме крошева осыпавшихся листьев
не замечаю больше ничего.

1969

Из главы «Большая легенда»

Гном

На красной перекладине
висит зелёный гном
и как не повернется
всегда ко мне лицом

Я целый день разглядывал
его со всех сторон
у гнома нет затылка
и пяток он лишён

Зелёный гномик бедненький
никак в течение дня
не может отвернуться
от вас и от меня

Поэтому вращается
он целый день деньской
и мается бедняжка
зелёною тоской

1970

Какие-то голоса
качаются за спиной
как маленькая оса
высасывая спинной
изогнутый мозг Агу
ворочается язык
а больше я не могу

и перехожу на крик
Смотрите я сам не свой
спасайтесь чёрт побери
Но голос как часовой
советует Не ори
Сидишь говорит сиди
молчишь говорит молчи
не то говорит гляди
найдем для тебя ключи
Закройте кричу на ключ
меня без ушей и глаз
Сиди-ка ты не канючь
успеется много вас

Висит на гвозде пальто
Я взгляд на нем задержу
Не заперта дверь Никто
не держит меня Сижу

1971

Я мог бы пережить и этот год,
Когда б не постоянный снегопад.
Загадывая на зиму вперед,
Ты тоже говорила наугад.

И это метафизика любви,
Запутанная, как автомобиль,
С пелёнок у тебя была в крови.
Меня же от неё теперь уволь.

Я мог бы пережить и эту боль,
Когда б не постоянный снегопад.
Холодная серебряная пыль
Оттягивала голову назад.

1972

Урок голографии

И всё-таки мы встретиться должны
Когда-нибудь у призрака Луны.

Соединив ладони над огнём
(Таким же призрачным), мы поклянёмся,
Что никогда не возвратимся в дом
И даже в призрак дома – не вернёмся.

И, отделяя пламя от свечи,
Мы через миг со страхом убедимся,
Что только руки также горячи,
И в дом – и в призрак дома! –
возвратимся.

Два стихотворения

1

Что «здравствуй», что «прощай» произнести,
Что выпросить портрет или полтину –
Не выдумаешь, как себя снести:
Рубаху расстегни и ляг на спину.

И паруса таинственного тень –
Хранительница розовых улыбок-
Подарит упоительную лень,
Стремительную лень летучих рыбок!

Не двигайся – лети, едва-едва
Связав дугой единственной капризной
Разреженную тяжесть мастерства
С опасной, но играющей отчизной!..

Необходимо только так лететь –
Не задохнуться бы, не ошибиться:
Задолго до того, как умереть,
В родную глубину чтоб возвратиться!

1972

2

Но прежде, чем летать – научись терпеть.
Научись сидеть на стуле неподвижно.
Задолго до того как научиться петь,
Научись писать – натянуто и книжно.

Твой первый поцелуй пресыщенность открыл.
Любимые глаза тускнеют, как у трупа.
Задолго до зари, до прорастания крыл
Научись терпеть и улыбаться тупо.

Задолго до того как становиться в строй,
Научись в толпе бродить так одиноко,
Как – будто ты один – любовник и герой –
На гибель обречён безвинно и до срока.

И прежде чем часы пробьют в последний раз,
До пенья, до любви, до судорог, – граница
Начала и конца предстанет без прикрас.

Ты до смерти скучать успеешь научиться.

1973

Как умирающий хватает воздух ртом,
Прозрачно-круглый уходящий воздух,
Так я ещё живу твоим добром,
Подобным застывающему воску.

И в этой незаконченности форм,
Где ты так неприступно беззащитна
Как птица, нахожу я лёгкий корм,
И мне уютно, и тепло, и сытно.

Я царствую мгновение твоё,
Покамест не закончились ступени,
Пока ты не сошла в небытие
И не застыла контурами тени!..

Ты знаешь, почему я не ловлю
Твой взгляд, когда ты пробегаешь мимо:
Ведь если я тебя остановлю,
Ты перестанешь быть моей любимой.

1973

Сирень

Сокровища белых ночей
И северной чахлой сирени
Валились на сгибы локтей
Да так, что стучали колени,

А сад расплывался и плыл!
И даму по обыкновению
Пугал нерастроченный пыл
Подстать воробьиному пенью,

Подстать огородным крестам,
Стекающим медленным светом
По куполу и по кустам
Сиреневым перед рассветом.

Собор, как свеча, оплывал.
И простенькой фразы оттенок
Загадочный смысл обретал,
Зловещий – до дрожи коленок.

И спутница видеть могла
Окрасивший щеки и руки
Багровый оттенок тепла,
Причудливый вензель разлуки,

Гербарий сиреневых звёзд,
Которым не мог не гордиться
Идущий назад через мост
Скупой, но классический, рыцарь.

От тысяч и тысяч скупцов
Он тем отличается в корне,
Что хочет запрягать лицо
В её обезьяньи ладони.

1973

Воспоминание о Бендерах

От злости перехватывает горло,
Слабеют ноги и трясутся руки.
А город просыпается не скоро,
Посапывая, всасывает звуки.

И девушки, свободные от смены,
Под окнами печальных общежитий,
Покачиваясь, требуют замены,
Как балки потолочных перекрытий.

Как яркие матрешки в телогрейках,
Мешочницы копаются в кювете.
И плачут на невысохших скамейках
Взаимозаменяемые дети.

Высокие телеги для продуктов
Опять звенят бутылками под утро.
И отрывает мне билет кондуктор,
Осыпанная перхотью и пудрой.

Я болен настоящий ностальгией
Я не был в этом городе два года.
Кто в городе теперь? Не я. Другие.
Рождённые днём моего ухода.

Здесь не меня ждала два года Ньюша.
Здесь тень мою преследовали скрытно.
«Кто ты такой? И что тебе здесь нужно?»
Что нужно мне?.. Немного любопытно...

Я руки за спиной сведу и сяду.
Что нужно мне?.. Мне ничего не надо.

Но что здесь моему подвластно взгляду?
Всё, от чего не оторвать мне взгляда!

19 июня 1973 года Вологда

Из главы «Карантин»

Но только не растерянность, о нет!
Зиянье, пустота, хаос, удушье...
Единство создает едиனுшие.
Непререкаем должен быть поэт.

Необходима каждая деталь.
Категорична каждая посылка.
Работа над стихом равно и ссылка
И в бесконечность замкнутая даль.

Так остроумно согнуто кольцо
И согласован звук с его значением,
Что, проникая жестким излучением,
Он озаряет вечности лицо.

1973

Трагедия – не просто лишь беда
Непоправимая: свершилось и забыто,
Но то, что совершается всегда,
Ежеминутно и на редкость скрыто.

Трагично время: было, будет, есть.
Трагичен взгляд и вообще все чувства,
Которыми немислимо учесть
Трагического хохота искусства.

Трагичен человек. И тень его
Трагична. И трагично их различие.
И, может быть, трагичнее всего –
Увериться в трагическом величье.

Великое воздушно, как пирог,
Ничем не стеснено, ни с чем не схоже...
Трагичен человек. Трагичен бог.
Но не велик, о нет, избави боже!

1973

Бедна на то ведь и бедна –
Не промах, не просчет:
Всегда обычна, как вода,
Которая течёт.

Осилишь, выплывешь, вползешь,
Зароешься в песок...
Очнешься. Что-нибудь найдешь...
И нет тебя. Просох.

1973

Ответ милиционеру

Чему принадлежит моя любовь?..
Признаться стыдно: эху, отголоску.
Вторичному. Литературе. Воску
Словесности, притершемуся «вновь».

Как лепят? Второпях. Восторг торопит.
То время вдруг замедлено, и день,
Не торопясь, заполнит дребедень
Подробностей – и мучает, и топит...

А почему?.. Бесправна и права –
Литература травит кислотой
Сердца, вивсь орнаментом, мечтой:
То графика, то звукопись – слова!..

Трещит башка, и ноет позвоночник.
А что бы сделал? Выточил деталь?..
Меня опередил многостаночник.
Зато передо мной – такая даль!..

Зажмуриться б, закрыть лицо от страха!..
Но записная книжка – на столе.
И тайнами кореньями в котле
Грамматика кипит... И зорек знахарь.

2 октября 1973 г.

Что еще мне спеть с тобой, сеньора?
Нет ни слез, ни смеха, ни тоски.
Утреннюю дозой «беломора»
Сердце зажимается в тиски...

Итальянка ты? Или испанка?..
Перуанка?.. Трудно разобрать.
Может быть, ты – инопланетянка?
Как развеселить тебя? Обнять?

Видишь: я ещё топчусь в двадцатом
Веке – Волга...Вологда...Октябрь...
Может быть, мы спели б о крылатом
Паруснике? Есть такой корабль.

На него поднимется не каждый:
Кто рожден пучиной – в экипаж!
Вряд ли ты его встречала дважды.
В радужных наклейках твой багаж.

И тебя уносит самолёты,
Корабли и ветры дальних стран...
Кто ж ты, путешественница, кто ты?
Может быть, росла ты у цыган?

Мы с тобой увидимся не скоро:
Я из этих кущей – ни ногой!..
Что мне спеть? Что спеть с тобой, сеньора?
Что мне спеть вполголоса с тобой?

1973

Восьмёрка пик

Усталости, бессилья и уродства
И толику безумья дай ещё,
Чтобы стереть, чтоб – никакого сходства,
Чтоб казни не сопровождал подсчет
И опознание трупов!..

Даже мертвых
Фотографируют для карт: восьмёрка пик.
Свершая свой уединенный подвиг,
Изогнутый игрок над ней сопит.

Атлеты, полубоги, супермены,
Соединяйтесь! Червяком в кольцо!
Как Афродита родилась из пены,
Заройтесь в пену, спрячьте в ней лицо!
Все части тела – для совокупления,
Всё в дело: палец, ухо, грудь, язык!..
И для наглядности четвёрка – дама пик –
Изображает нам грехопадение.
Адам – Лилит – и Ева – Саваоф:
«Кольцо змеи или Внедрённый опыт» ...

Так искушают, так из бледных снов
Выскабливают похоть, грязь и копоть.

И мертвая еврейка обрела
До газа и до пламени бессмертье.
«Пиковая восьмерка». – «Бью!» – «Легла...»
– «Кудрявая!.. Смотри, как стал бы еть я...»

1974

Еда и сон

Еда и сон, и чтение не впрок
Для канцелярской крысы, кем являюсь:
Не ем – травлюсь и не лежу – валяюсь,
И не читаю – шарю между строк.

Будильник тарахтит как автомат.
Из кружки – чай, из пачки – сигарету.
И на бегу, как общую диету, –
Глоточек Леты, чёрттов препарат!..

14 февраля 1974 год

ПРИЛОЖЕНИЕ

Оглавление полностью воспроизводится по машинописи с указанием страниц.

Курсивом выделены тексты, опубликованные ранее (см. ссылки ниже) и не вошедшие в настоящую публикацию.

Оглавление

I. Буратино

Села дощатый тротуар	5
Как могла ты поселиться	6
<i>Снятся страшные сны...</i>	7
<i>Чёрту</i>	8
<i>Муза</i>	9
Буратино	10
Змея лежала на дороге	13
Степь	14
Палатки спишут на портянки	17
1953 ...	18

II. Сентябрь

Я вырываюсь из кольца...	20
Вот этот город. Домики и Днестр...	21
Пригород...	22

Преодолевающая боль и злобу...	23
Смотри, любимых рук овал...	24
Освободившийся от груза...	25
И вдруг прозрел. И понял...	26
Зверинец	27
Я уезжаю, чтобы вернуться...	28
Легенда	29
Ночь. Темнота. Уснула мать...	30
Останусь в дураках. Уединюсь...	31
<i>Булавки реплик в кожу высаживал...</i>	32
Кто-то со мною был...	33
Куплеты Пьеро	34
Проплыли за холмы последние телеги...	35
Собаки	36
Стихи о Новом годе	37
<i>Вокзал</i>	38

III. Морские развлечения

Гулливер	40
Вознаграждение	41
Морские развлечения	42
Галя	43
Молитва	44
Колыбельная	45

IV. Чёртова дюжина 47–59

- 1 Перед тем как выбрать молоток
- 2 В этот мартовский денёк
- 3 Удивляешься ты
- 4 *Надрывно кашляет цыганка*
- 5 *Её ласкал орёл крылом*
- 6 Промчавшись радостной торпедой
- 7 *Молодая Магдалина*
- 8 *На табурете, как полено*
- 9 Пиликая на скрипочке уроки
- 10 Уселся, ноги свесил
- 11 *Опять судьба меня лизнула*
- 12 Как отказаться от словоблудства?
- 13 Вот это –словарь иностранных слов

V. Бык 61–65

VI. Зоя

<i>Среди сухих бледнозелёных трав... (Статуе Летнего с.)</i>	67
Четыре письма на юг	68
<i>Нагромождение вещей</i>	69
<i>Пространство между глазом и стеклом...</i>	70
<i>На окраину – мимо...</i>	71
<i>Земля очистилась от скверны...</i>	72
<i>Скрежещет лёд и брызжет пена...</i>	73
<i>Зоя</i>	74

<i>Красная улица</i>	75
<i>Из твоего окна видна...</i>	76
<i>Опять я в комнате на Красной...</i>	77
<i>Ну что ж, наверное, такую...</i>	78
<i>Элегия</i>	79
<i>Кружение снега. Кружева...</i>	81
<i>Какая яркая трава!..</i>	82
<i>– Да, я спокоен, ты права!..</i>	83
<i>Я проснулся. Сидит на карнизе ворона...</i>	84
<i>Ребёнок посмотрел внимательно и ясно...</i>	85
<i>Год активного солнца</i>	86
<i>Старый Крым.</i>	87

VII. Утопия

<i>Утопия I</i>	89
<i>Утопия II</i>	91
<i>Утопия III</i>	92

VIII. Октябрь. Ноябрь

<i>Меланхолия</i>	96
<i>Ноябрь (Молдавия меня похоронила)</i>	97
<i>Стрекоза (Улыбался, плавал, пировал...)</i>	98
<i>На смерть Н.В.Д</i>	99
<i>Стрекоза (Смотри, любимая сестра...)</i>	100
<i>Я расправляю одеяло...</i>	102
<i>Октябрь</i>	103
<i>В оставшиеся дни</i>	104
<i>Колодцы</i>	105

IX. Восточные сказки

<i>I</i>	107
<i>II</i>	109
<i>III</i>	110

X. Больная легенда

<i>Гном (На красной перекладине...)</i>	114
<i>Какие-то голоса...</i>	115
<i>Это похоже на перевод...</i>	116
<i>Я мог бы пережить и этот год...</i>	117
<i>Урок голографии (И всё-таки мы встретиться...)</i>	118
<i>Студенистое тело зимы...</i>	119
<i>Больная легенда</i>	120
<i>Помело или велосипед...</i>	121
<i>Жизнь безнадежно глупая затея...</i>	122
<i>Два стихотворения</i>	123
<i>Как умирающий хватается воздух ртом...</i>	124
<i>Я выпил много красного вина...</i>	125

<i>Цирк</i>	126
<i>Защитная баллада...</i>	128
<i>Сирень</i>	129
<i>Родина</i>	130
<i>Дерево</i>	132
<i>Воспоминание о Бендерах</i>	133

XI. Карантин

<i>Больной ребёнок пробует слова...</i>	135
<i>Волшебный фонарь...</i>	136
<i>Диалог (Не останавливайся здесь...)</i>	137
<i>Строительный пейзаж семидесятых...</i>	139
<i>В свинцовом небе ветер отяжелел...</i>	140
<i>Но только не растерянность, о нет...</i>	
<i>Трагедия – не просто лишь беда...</i>	141
<i>Беда на то ведь и беда...</i>	142
<i>Ответ милиционеру....</i>	143
<i>На высоте подъемных кранов...</i>	144
<i>Пять восьмистиший</i>	145
<i>То духота, то дождь, то ветер...</i>	146
<i>Что ещё мне спеть с тобой сеньора?..</i>	147
<i>Ленинград</i>	148
<i>Карантин</i>	150
<i>Цветы и фрукты, гетевский каприз...</i>	152
<i>Восьмерка пик</i>	153
<i>Есть</i>	154
<i>Эпилог</i>	155
<i>Еда и сон и чтение не впрок...</i>	157
<i>Окно</i>	158

XII. Барак 160

XIII. Смерть землемера

XIV. Два введения в Игру Стекланных бус

Послесловие

Оглавление

Ссылки на стихи, не вошедшие в настоящую публикацию:

Александр Ожиганов. Трещотка. Избранные стихотворения 1960–70-х гг. М.: АРГО-РИСК; Тверь: Колонна, 2002.

<https://web.archive.org/web/20160306160406/http://poetry.liter.net/ozhiganov1.html>

Александр Ожиганов. Ящери-речь. Книга поэм. М.: АРГО-РИСК; Тверь: Колонна, 2005. Проект «Воздух», вып.4. <https://www.vavilon.ru/texts/ozhiganov1-1.html>

Александр Ожиганов. Шестикнижие. Издательство Т8, 2021. Серия «Часть речи».

Александр Ожиганов. Треножник. Издательство Пальмира, 2023. Серия «Пальмира – поэзия».

Сборник «Живое зеркало: второй этап Ленинградской поэзии». 1974.
http://samizdat.wiki/Сборник_«Живое_зеркало:_второй_этап_Ленинградской_поэзии»#.D0.90.D0.BB.D0.B5.D

Лепта. 1974. <https://kkk-bluelagoon.ru/tom5b/lepta4.htm>

37. 1976. № 5. (Два введения в Игру стеклянных бус)
https://collections.library.utoronto.ca/view/samizdat:37_5

Часы. 1976. № 3
http://samizdat.wiki/И_«Часы»,_Том_№3

Часы. 1978. № 16
http://samizdat.wiki/Журнал_«Часы»,_Том_№16

Майя. 1990. № 5
http://samizdat.wiki/«Майя»_№5,_1990

Эхо. № 2 (10). – Париж, 1980. С. 26–33
https://imwerden.de/pdf/echo_10_1980_ocr.pdf

Антология новейшей русской поэзии «У Голубой лагуны». Т. 3Б. 1986.
<https://kkk-bluelagoon.ru/tom3b/ojiganov2.htm>

Волга. 1993. № 1. С. 3–15. (Из книги «Стрекоза»)

Волга. 1993. № 6. С. 3–9. (Барак. Поэма (1967))

Волга 1996. № 8-9. С. 3–6. (Третья восточная сказка. Поэма (1973))

Волга 1996. № 11-12. С. 3–14 (Два введения в Игру стеклянных бус. Два венка сонетов. (1970–1973 гг))